

Предупреждение об уголовной ответственности: эффективная мера уголовно-процессуальной профилактики или пережиток прошлого?

Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник Сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии
Институт государства и права Российской академии наук, Москва (Россия)

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Поступила в редакцию 08.07.2025

Пересмотрена 24.07.2025

Принята к публикации 01.08.2025

Аннотация: Предупреждения об уголовной ответственности свидетелей и потерпевших за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний, экспертов – за дачу заведомо ложного заключения, иных участников уголовного судопроизводства – за некоторые другие преступления против правосудия, будучи предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, подвергаются критическому анализу. О таких предупреждениях говорится как о признаваемых практическими работниками само собой разумеющимся процессуально-профилактических мерах, подлежащих применению в целях предотвращения отказа или уклонения адресатов от надлежащего исполнения распространяемых на них запретов и обязанностей. Вместе с тем подобные меры оцениваются как несколько странные, плохо согласующиеся с известным принципом презумпции знания уголовного закона, в том числе в условиях ее принципиальной опровергимости. В связи с этим выявляются причины введения подобных требований в предмет уголовно-процессуального регулирования – они усматриваются в обстоятельствах возникновения раннесоветской системы уголовной юстиции, обусловленных отрицанием любых религиозных обрядов в деятельности государственных органов, в том числе используемых в судопроизводстве Российской империи свидетельских и экспертных присяг. Одновременно говорится о причинах сохранения и даже расширения подобных требований в постсоветский период – они предположительно связываются с оствлением без должного внимания данных вопросов авторами-разработчиками действующего уголовно-процессуального закона. В завершение приводятся аргументы, исключающие возможность полной реставрации дореволюционных гарантий надлежащего исполнения участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных обязанностей. Вместе с тем сама по себе практика использования тождественных присяг оценивается как имеющая весьма высокий профилактический потенциал, по крайней мере, гораздо больший по сравнению используемыми в настоящее время предупреждениями об уголовной ответственности. В связи с этим законодателю предлагается задуматься о возвращении в сферу уголовного судопроизводства подобных юридических гарантий, но в несколько иной, сугубо светской, т. е. исключающей религиозную направленность, форме. Одновременно говорится о разумности деформализации предупреждений об уголовной ответственности с их переводом в разряд дискреционных полномочий дознавателей, следователей, судей для использования по собственному усмотрению в тактических целях.

Ключевые слова: предупреждение об уголовной ответственности; преступления против правосудия; дача заведомо ложных показаний; заведомо ложное заключение эксперта; отказ от дачи показаний; подпись свидетеля; подпись эксперта; присяга свидетеля.

Для цитирования: Россинский С.Б. Предупреждение об уголовной ответственности: эффективная мера уголовно-процессуальной профилактики или пережиток прошлого? // Jus strictum. 2025. № 3. С. 27–34. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-3-62-3.

ВВЕДЕНИЕ

Предупреждение об уголовной ответственности – одна из наиболее известных процессуально-профилактических мер, применяемых к различным участникам уголовного судопроизводства в целях предотвращения отказа или уклонения от надлежащего исполнения ими своих обязанностей, в первую очередь недопущения совершения известных преступлений против правосудия, предусмотренных рядом статей, включенных в гл. 31 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Так, в соответствии с ч. 6 ст. 141 и ч. 6 ст. 318 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) заяви-

теля надлежит предупреждать об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ). В силу ч. 5 ст. 164 УПК РФ, находящейся в системном единстве с ч. 1 ст. 189 УПК РФ, участвующих в вербальных следственных действиях потерпевших и свидетелей предписывается предупреждать об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний, а переводчиков – за заведомо ложный перевод (ст. 307, 308 УК РФ); исходя из смысла закона, эти же предписания касаются и судебных заседаний по уголовным делам, рассматриваемым в первой либо апелляционной инстанциях. Необходимость предупреждения

экспертов об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение (ст. 307 УК РФ) вытекает из совокупного содержания ч. 2, 4 ст. 199 и п. 5 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, хотя нельзя не обратить внимание на особый, к слову, достаточно неопределенный режим доведения указанных сведений до сотрудников государственных экспертных учреждений. А потребность в принятии схожей профилактической меры в отношении специалистов, не будучи формально легализованной в положениях уголовно-процессуального закона, является следствием продуктивной работы Пленума Верховного Суда РФ – в п. 17 постановления Пленума, посвященного практике рассмотрения уголовных дел судами первой инстанции¹, специалиста рекомендуется допрашивать по правилам допроса свидетеля, в том числе разъяснять предусмотренную ст. 58 УПК РФ ответственность. И, наконец, в соответствии с ч. 3 ст. 161 УПК РФ участников досудебного производства по уголовному делу надлежит предупреждать об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ).

Все эти процессуально-профилактические меры являются настолько устоявшимися, настолько глубоко укоренившимися в законодательстве и правоприменительной деятельности, что воспринимаются практическими работниками как само собой разумеющиеся. На сегодняшний день вряд ли можно встретить дознавателя, следователя, прокурора, адвоката, сотрудника судебно-экспертного учреждения или судью, сомневающегося в необходимости предупреждения некоторых участников уголовного судопроизводства об уголовной ответственности за совершение определенных преступлений против правосудия. Более того, маловероятно, что кто-либо из них в принципе задумывается над данным вопросом – обычно такие предупреждения, как фрагменты ежедневной процессуальной рутины, осуществляются достаточно рефлексорно, машинально, «на автомате», а подчас – и вообще сугубо формально, т. е. посредством беглого и невнятного зачитывания судьей соответствующих положений закона или настоящих предложений следователя (дознавателя) расписаться в специально предусмотренной графе протокола либо в самостоятельной подписке о неразглашении данных предварительного расследования. К слову, в дознавательской и следственной практике встречаются даже случаи преднамеренного уклонения от предупреждения участников уголовного судопроизводства об ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 306–308 УК РФ. Заявителя как будто бы случайно забывают предупредить об ответственности за заведомо ложный донос, свидетеля – за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний и т. д. Посредством таких незаконных хитростей недобросовестные дознаватели и следователи пытаются заранее обесценить потенциально неугодные результаты процессуальных действий и лишить юридической силы

соответствующие документы: поданные заявления о преступлении, протоколы допросов и т. д.

Скорее всего, подобные сомнения и раздумья не присущи и подавляющему большинству преподавателей уголовного процесса, и многим ученым-процессуалистам. Эти вопросы, как правило, поднимались и продолжают подниматься лишь в публикациях уголовно-правовой направленности – в связи с рассмотрением проблем квалификации соответствующих преступлений [1–4]. Тогда как в уголовно-процессуальной литературе они практически не освещаются – о предупреждении потерпевших, свидетелей, экспертов и прочих участников досудебного либо судебного производства об уголовной ответственности (вариативно – о разъяснении им соответствующих положений УК РФ) обычно заявляется как об аксиоматичной данности [5–7]. И только в некоторых публикациях содержатся отдельные намеки, демонстрирующие отношение авторов к подобным предупреждениям (разъяснениям) как к профилактическим упраждениям, направленным на обеспечение правомерного поведения участников уголовного судопроизводства, в первую очередь объективности сообщаемых ими сведений [8; 9].

Вместе с тем при глубоком погружении в указанную проблематику данные вопросы начинают казаться далеко не такими заурядными, а связанные с ними предписания закона – далеко не такими очевидными, какими, по всей вероятности, представляются подавляющему большинству специалистов в области уголовной юстиции.

Цель исследования – выявление причин, предопределивших возникновение подобных законодательных предписаний, а также их места в национальной системе уголовного судопроизводства.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе проведения исследования использовался научный подход, основанный на доказывании «от противного» (*contradictio in contrarium*), позволивший обосновать неприемлемость существующих в настоящее время механизмов предупреждения свидетелей, потерпевших, экспертов и некоторых других участников уголовного судопроизводства об ответственности за ряд преступлений против правосудия. Это позволило обосновать потребность в возвращении в сферу уголовно-процессуального регулирования используемых до Октябрьской революции торжественных присяг, но в несколько иной, сугубо светской, исключающей религиозную направленность форме.

Исследование проводилось в несколько этапов. В ходе первого этапа была доказана чужеродность механизмов предупреждения об уголовной ответственности для национальной парадигмы правового регулирования. Второй этап был связан с выявлением причин возникновения подобных требований в российском уголовном судопроизводстве. На третьем этапе были сформулированы предложения, направленные на совершенствование юридических гарантий предотвращения отказов от дачи показаний, дачи заведомо ложных показаний, экспертных заключений, совершения иных подобных преступлений против правосудия.

В ходе исследования анализировалась научная литература, рассматривались нормы действующего

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285530/.

законодательства и правоприменительная практика, проводились параллели с нормативно-правовыми актами Российской империи, РСФСР, отдельными положениями зарубежного уголовно-процессуального права.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Предупреждение об уголовной ответственности vs презумпция знания уголовного закона

Установленные нормами УПК РФ требования о предупреждении заявителей, потерпевших, свидетелей, некоторых других лиц об уголовной ответственности, будучи достаточно устоявшимися процессуальными гарантиями обеспечения результатов дознавательской, следственной или судебной деятельности, вместе с тем представляются несколько странными. Они плохо согласуются с известным принципом презумпции знания закона в целом и уголовного закона в частности, обычно выражаемым в виде крылатого латинского афоризма “*Ignorantia juris neminem excusat*” («Незнание закона не освобождает от ответственности»). Никто не может оправдываться незнанием закона, писал крупный советский правовед А.А. Тилле, эту известную с незапамятных времен «формулу» надлежит осознавать и вся кому юристу, и любому не состоящему в юридической корпорации обычайту [10]. Схожие взгляды высказывались и другими известными авторами. И действительно, в части прочих правоотношений, в том числе каких-то обыденных, повседневно-жизненных ситуаций справедливость и бесспорность подобного «неписанного» принципа ни у кого не вызывает сомнений – в противном случае можно было бы ожидать его формального закрепления в положениях Конституции РФ или уголовного закона.

Вряд ли кому-либо может прийти в голову мысль предупреждать любого выходящего из дома человека о недопустимости совершения убийства, кражи, грабежа, разбоя и т. д. (по списку!), а садящегося за руль автомобилиста – о преступности нарушения правил дорожного движения, повлекшего тяжкий вред здоровью. Маловероятно, что сотрудники ЗАГСа станут разъяснять вступающим в законный брак молодым людям положения уголовного закона, предусматривающие санкции за домашнее насилие. Едва ли кому-то покажется разумным каждое утро требовать от приходящего на работу чиновника давать подпись об осведомленности об уголовной ответственности за получение взятки, злоупотребление полномочиями, халатность и пр.; еще менее вероятно, что кто-то сочтет необходимым подвергать таким бессмысленным обременениям сотрудников органов предварительного расследования, прокуроров и судей.

Однако в отношении заявителей, потерпевших, свидетелей, некоторых иных участников определенных уголовно-процессуальных правоотношений (а также гражданско-процессуальных и ряда других процессуальных правоотношений) почему-то стал использоватьсь принципиально иной подход – принцип презумпции знания уголовного закона фактически был заменен противоположным принципом презумпции незнания уголовного закона. Причем наиболее вычурными на этом фоне выглядят нормы, закрепленные в ч. 3 ст. 53 и п. 5

ч. 1 ст. 204 УПК РФ, помимо прочего обязывающие адвокатов-защитников (юристов-профессионалов!) давать подписки о разъяснении ответственности за разглашение данных предварительного следствия, а государственных судебных экспертов (экспертов-профессионалов!) – об ответственности за заведомую ложность экспертного заключения. Да и многие другие предупреждения об уголовной ответственности в реальности становятся не более чем пустыми формальностями. Например, таковыми представляются подобные меры, предпринимаемые в отношении «профессиональных» свидетелей, например сотрудников полиции, Росгвардии, ФСБ России или часто привлекаемых к сотрудничеству переводчиков.

Конечно, презумпцию знания уголовного закона нельзя считать абсолютно универсальной и неопровергаемой. Скорее следует согласиться с позициями ученых, предлагавших и продолжающих предлагать ограничивать практическую реализацию данного принципа рядом исключений. Так, еще Н.С. Таганцев вполне справедливо не допускал существования суперэрудированных людей, в том числе профессиональных юристов, знающих все нюансы «антикриминального» (в терминологии автора – полицейского) законодательства [11]. Схожей точки зрения придерживался и М.С. Стрович. Однако ученый в характерном для его публикаций несколько пропагандистском стиле связывал причины ненадлежащего знания населением положений уголовного права со свойственными буржуазным странам и не свойственными советскому государству путаницей и неясностью системы законодательства [12]. А в настоящее время подобных взглядов придерживаются С.С. Тихонова, П.Н. Панченко и многие другие известные авторы [13; 14].

Вместе с тем предусмотренные ст. 306–308 и 310 УК РФ преступления являются уж слишком «примитивными», а охраняемые ими правоотношения, будучи воплощением известных, в каком-то смысле даже традиционных для российского общества ценностей, – вполне очевидными для понимания абсолютным большинством населения. Вряд ли кто-либо из представителей многонационального народа Российской Федерации не знает, по крайней мере не догадывается об аморальности лжи, тем более в связи с потенциальной возможностью освобождения от ответственности виновного в каком-либо деянии человека или, наоборот, привлечения к ответственности невиновного. Маловероятно, что в реальности кто-либо может не осознавать неприемлемости отказа от выполнения законных требований государственного органа (должностного лица) либо разглашения вверенной тайны. Все эти признаваемые в основных мировых культурах и религиях «прописные истины», обычно доводимые до людей в процессе родительского, школьного или иного воспитания, хорошо известны каждому, пусть даже самому «неблагополучному» и постоянно игнорирующему подобные каноны члену общества – так же хорошо, как и постулаты о недопустимости убийства, изнасилования, кражи и т. п.

Конечно, установленные нормами УПК РФ требования о предупреждении заявителей, потерпевших, свидетелей, некоторых других лиц об ответственности направлены не столько на устрашение данных субъектов, сколько на их правовое «просвещение», и призваны

не столько вызвать опасения в наступлении предусмотренных ст. 306–308 и 310 УК РФ репрессивных, к слову, достаточно щадящих последствий, сколько разъяснить конкретные формы аморального поведения в сфере уголовного судопроизводства, которые признаются уголовно наказуемыми деяниями. Вместе с тем добиться надлежащего эффекта таких предупредительных мер, т. е. обеспечить подлинное понимание среднестатистическими адресатами доводимых до них положений уголовного закона, все равно практически невозможно. Ведь в силу достаточно сложной национальной системы уголовно-правового регулирования, предполагающей возможность применения конкретных норм Особенной части УК РФ лишь в системном единстве с положениями Общей части УК РФ, с учетом имеющихся позиций Пленума Верховного Суда РФ, а иногда – и Конституционного Суда РФ, «рядовые» обыватели, т. е. не имеющие базовой юридической подготовки, а порой – даже банального среднего образования дилетанты просто не в состоянии уразуметь смысл вкратце сообщаемых им сведений. Тогда как для подлинного осознания данных сведений подавляющим большинством потерпевших, свидетелей, других лиц дознавателю, следователю или судье приходилось бы каждый раз превращаться в преподавателя уголовного права и методично знакомить человека со всеми нюансами квалификации одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 306–308 или 310 УК РФ, и особенностями соответствующей правоприменительной практики. Ввиду понятных причин такие приемы дознавательской, следственной или судебной работы видятся совершенно невозможными.

Причины появления требований о предупреждении участников уголовного судопроизводства об уголовной ответственности

Для должного рассмотрения и осмысления любых вызывающих вопросы положений закона, любых связанных с практическими трудностями правил поведения участников правоотношений надлежит использовать историко-правовой метод научного познания. Зачастую именно в обстоятельствах возникновения либо тенденциях развития данных положений и правил кроются подлинные причины наблюдаемых проблем, а выявление таких причин нередко способствует определению наиболее разумных путей совершенствования законодательства и оптимизации соответствующей практической деятельности.

Стоит обратить особое внимание на тот факт, что требования о предупреждении участников уголовного судопроизводства об уголовной ответственности в целях предотвращения отказа или уклонения от надлежащего исполнения ими своих обязанностей были введены в предмет уголовно-процессуального регулирования всего лишь чуть более ста лет назад – в связи с формированием на тот момент новой раннесоветской системы уголовной юстиции, тогда как существовавшие ранее «царские» правила работы уголовного судопроизводства предполагали несколько иные гарантии обеспечения надлежащего поведения участвующих лиц. Так, в соответствии с положениями гл. 7 раздела 4 Устава уголовного судопроизводства Российской империи (далее – УУС) основной гарантией правдивости свидетельских

показаний и объяснений сведущих лиц (экспертов) признавалась религиозная присяга (!), даваемая лицами в соответствии с обрядами их вероисповеданий. Православные свидетели (эксперты) приводились к присяге священником. Ему надлежало зачитать клятвенное обещание религиозного характера, а свидетелю – приложиться к кресту, Евангелию и вслух произнести: «Клянусь». Иных верующих свидетелей (экспертов) (католиков, лютеран, иудеев, мусульман и пр.) предписывалось приводить к присяге согласно догматам и обрядам исповедуемой ими религии, для чего приглашать соответствующих духовных лиц; в случае отсутствия таких лиц приводить «иноверцев» к присяге надлежало председателю суда. Правда, к использованию подобных гарантий были предрасположены далеко не все свидетели. Законом предусматривалось достаточно много специальных субъектов, не допускаемых к свидетельству под присягой (отлученные от церкви, малолетние, слабоумные, отдельные категории лиц, которым одной из сторон был заявлен отвод) либо освобождаемых от присяги (священнослужители и христианские монахи, а также лица, «принадлежащие к исповеданиям и вероучениям, не приемлющим присяги») – некоторым из таких лиц вместо присяги дозволялось давать обещание «показывать всю правду по чистой совести»; остальных оставалось только призывать к даче правдивых показаний. В любом случае перед допросом председателю суда в соответствии со ст. 716 УУС надлежало напомнить свидетелю (эксперту) об ответственности «за лживые показания» (объяснения), но лишь напомнить (!), не разъясняя соответствующих положений уголовного закона и не прибегая к получению каких-либо подpisок. А для предварительного следствия никаких присяг и напоминаний об уголовной ответственности по общему правилу вообще не предусматривалось – согласно ст. 442 УУС судебному следователю предписывалось приводить свидетеля к присяге лишь в случаях перспективы его длительного отсутствия в месте производства по уголовному делу либо постоянного проживания вдали от места нахождения суда, а также ввиду наличия у него тяжелого заболевания с реальной возможностью достаточно скорого смертельного исхода.

Революционные потрясения 1917 г., приведшие к возникновению Советской России, предопределили закономерный отказ от использования религиозных присяг и тому подобных способов обеспечения достоверности необходимых для нужд юстиции, в том числе уголовной юстиции, сведений. В принципе, сформированное после Октябрьской революции рабоче-крестьянское правительство вовсе не стремилось к незамедлительному упразднению прежних, особо не противоречащих новой парадигме государственного управления механизмов расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Напротив, ответственные за формирование раннесоветской системы уголовной юстиции (до весны 1918 г. – преимущественно представители левоэсеровской партии [15], а затем – члены РСДРП(б) с дореволюционным юридическим прошлым [16]) постарались обеспечить максимально возможную преемственность вводимых правил по отношению к хорошо апробированным и достаточно прогрессивным для своего времени положениям «царского» законодательства, в первую очередь УУС. Вместе с тем сохранение

религиозных присяг ввиду понятных причин не было возможным ни при каких условиях.

Поэтому уже в ст. 14 утвержденного ВЦИКом в феврале 1918 г. известного Декрета о суде № 2 предписывалось отменить любые присяги, а достоверность свидетельских показаний обеспечивать предварением (в современной терминологии – предупреждением) об ответственности за ложность сообщаемых сведений. Позднее эти идеи нашли отражение в положениях «пробного» Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г. и принятого менее чем через год «обновленного» Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. (далее – УПК РСФСР 1923 г.). Так, в соответствии со ст. 164 и 274 УПК РСФСР 1923 г. народному следователю или председательствующему в судебном заседании предписывалось, приступая к допросу свидетеля, помимо прочего предупреждать вызванное лицо об ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний, в чем отбирать у него подпись (!); в ст. 170 УПК РСФСР 1923 г. схожие требования, только без необходимости получения подписки, устанавливались и в части назначения судебной экспертизы.

В дальнейшем эти требования в несколько измененном виде нашли отражение в положениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР 1960 г.). Согласно ч. 2 ст. 158, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 282 и ч. 1 ст. 287 УПК РСФСР 1960 г. сотрудникам органов дознания, следователям, прокурорам, судьям, приступающим к допросам достигших 16-летнего возраста свидетелей и потерпевших, тоже предписывалось предупреждать их об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, за отказ либо уклонение от дачи показаний – данные факты также надлежало фиксировать посредством соответствующих подписок, подлежащих изложению в протоколах следственных действий либо приобщаемых к материалам судебных заседаний самостоятельных документов. Схожими предписаниями обременялись и процедуры назначения судебных экспертиз. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 187 и ч. 2 ст. 189 УПК РСФСР 1960 г. эксперта надлежало предупредить об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение; при поручении проведения исследований судебно-экспертному учреждению данная обязанность возлагалась на его руководителя, тогда как при назначении экспертизы «частному эксперту» (лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении) – на самого следователя (иного вынесшего соответствующее постановление субъекта). При этом в УПК РСФСР 1960 г. прямо не говорилось об обязанности эксперта давать соответствующую подпись. Однако подобные требования стали усматриваться практическими работниками из смысла закона. По крайней мере, повсеместно используемые в последние годы применения позднесоветского уголовно-процессуального законодательства стандартизованные шаблоны экспертных заключений предполагали располагаемую во вводной части подпись эксперта о разъяснении ему прав, обязанностей и предупреждении его об ответственности за дачу заведомо ложного заключения – автору настоящей статьи, проходившему в конце 1990-х гг. службу в Следственном управлении ГУВД г. Москвы (позднее – в Главном следственном управлении при ГУВД

г. Москвы), приходилось работать с множеством подобных документов.

Таким образом, причины, некогда побудившие к введению в сферу уголовно-процессуального регулирования требований о предупреждении потерпевших, свидетелей, экспертов и прочих участников досудебного либо судебного производства об уголовной ответственности за некоторые преступления против правосудия, были напрямую связаны с атеистическим характером советской идеологии, с отрицанием любых религиозных обрядов в деятельности государственных органов, в том числе используемых ранее свидетельских присяг. Тогда как включение подобных требований в положения действующего уголовно-процессуального законодательства и даже их расширение за счет обязанностей предупреждения ряда лиц об уголовной ответственности по ст. 306 и 310 УК РФ, по всей вероятности, стало следствием оставления авторами-разработчиками УПК РФ данных вопросов без должного внимания. Вместе с тем вполне очевидно, что некогда присущие советскому процессуальному праву идеологические запреты и ограничения уже давно потеряли актуальность и в настоящее время не имеют никакого смысла. Более того, начиная с 1960-х гг. в юридической литературе вновь стали обсуждаться идеи о возможности использования присяг как гарантий достоверности необходимых для нужд уголовной юстиции сведений. Так, еще в 1969 г. Г.З. Анашкин указал на потребность приведения свидетелей к государственной присяге [17]. Несколько позднее М.Х. Хабибуллин посчитал разумным придавать процедурам предупреждения об уголовной ответственности большую торжественность либо вообще заменить их присягами или клятвами в целях позитивного психологического воздействия на свидетелей (потерпевших), побуждения указанных лиц к подлинному осознанию всей важности сообщаемых ими сведений [18]. О целесообразности замены присягами предупреждений об уголовной ответственности «профессиональных» экспертов, т. е. сотрудников судебно-экспертных учреждений, неоднократно писали Р.С. Белкин, Е.Р. Россинская и другие ученые-криминалисты [19; 20]; об этом же заявляют и некоторые начинающие исследователи [21].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Означает ли все вышесказанное, что на сегодняшний день существует объективная потребность в реставрации предусмотренных дореволюционным законодательством религиозных присяг как гарантий надлежащего исполнения свидетелями, потерпевшими, экспертами и другими участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных обязанностей? Нет, не означает. Думается, что, несмотря на проводимую государством достаточно мудрую политику в сфере возрождения церковных ценностей, в России вряд ли когда-нибудь, по крайней мере в обозримом будущем, удастся достигнуть дореволюционного уровня религиозности населения, в частности большого количества подлинно и глубоко верующих людей. Тем более что установленные Уставом уголовного судопроизводства Российской империи механизмы были не такими уж безупречными

и справедливыми, какими они видятся некоторым ученым-процессуалистам, главным образом представителям так называемой либеральной общественности, привыкшим к демонизации всего советского, в том числе постреволюционных реформ в сфере уголовной юстиции. Например, в соответствии со ст. 707 УУС в случае заявления какой-либо из сторон отвода к свидетельству под присягой не допускались «лишенные по суду всех прав состояния или всех особых прав и преимуществ, лично и по состоянию им присвоенных», «евреи – по делам бывших их единоверцев, принявших христианскую веру, и раскольники – по делам лиц, обратившихся из раскола в православие», некоторые другие категории вполне нормальных в современном понимании лиц.

Вместе с тем сама по себе практика использования тюдественных присяг (вариативно – клятв, адъюраций и т. п.) представляется имеющей весьма высокий профилактический потенциал, по крайней мере, гораздо больший по сравнению с предусмотренными действующим уголовно-процессуальным законом предупреждениями об ответственности по ст. 306–308 и 310 УК РФ. Думается, что «коллективному законодателю» надлежит всерьез задуматься о возвращении в сферу уголовного судопроизводства (равно как и в сферы иных судопроизводств) подобных юридических гарантий, но в несколько иной, сугубо светской, т. е. исключающей религиозную направленность, форме. Например, можно предусмотреть торжественную присягу, связанную с упоминанием любви к Родине, памяти предков, иных общепризнанных ценностей российского общества, и подлежащую произнесению в условиях соблюдения каких-либо вытекающих из смысла Конституции РФ светских ритуалов: на фоне государственного флага РФ, государственного герба РФ и т. п. Можно также прибегнуть к использованию предполагающих некоторую вариативность механизмов, для чего позаимствовать опыт ныне политически недружественных, но при этом располагающих вполне качественными правовыми системами государств. В частности, в Соединенных Штатах Америки в настоящее время предусмотрена достаточно гибкая процедура приведения к присяге, рассчитанная на представителей разных конфессий, атеистов, детей и прочие категории лиц – каждому свидетелю дозволяется клясться с упоминанием ценностей исповедуемой религии либо давать тюдественные обещания без обращения к таковым. В любом случае для обеспечения надежности подобных процессуальных присяг государству желательно принять дополнительные меры, способствующие повышению уровня правовой культуры населения, пониманию рядовыми обывателями особого значения правосудия и осознанию ими необходимости должностного исполнения судопроизводственных запретов и обязанностей, например, предусмотреть подробное рассмотрение соответствующих вопросов на школьных уроках обществознания и т. п. Кроме того, вполне возможно предусмотреть достаточно суровую уголовную ответственность за нарушение присяги – не за дачу заведомо ложных показаний и другие предусмотренные ст. 306–308 и 310 УК РФ деяния, а именно за нарушение присяги.

Одновременно надлежит задуматься о деформализации (исключении из числа непреложных компонентов процессуальной формы) профилактических предупреж-

дений заявителей, свидетелей, потерпевших, экспертов, некоторых иных участников уголовного судопроизводства об ответственности за совершение соответствующих их правовому положению преступлений против правосудия. Подобные возможности разумнее всего перевести в разряд дискреционных полномочий дознавателей, следователей, судей, т. е. дозволить им пользоваться такими процессуальными средствами по своему усмотрению в тактических целях – лишь при возникновении потребности в дополнительных аргументах, способствующих побуждению определенных участников уголовного судопроизводства к должностному поведению, в первую очередь к сообщению правдивых сведений.

Более того, в этой связи могут возникнуть и более «крамольные» предположения: о целесообразности декриминализации деяний, предусмотренных ст. 306–308 и 310 УК РФ, ввиду неспособности указанных положений уголовного закона оказывать должное воздействие на поведение участников уголовного судопроизводства, а также известных трудностей, присущих доказыванию таких преступлений и предопределяющих нераспространенность соответствующей правоприменительной практики. Но к рассмотрению данных вопросов, как не имеющих прямого отношения к предмету настоящего исследования, автору хотелось бы возвратиться в дальнейшем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курс советского уголовного права / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. Т. 6. М.: Издательство Академии наук СССР, 1971. 559 с.
2. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 491 с.
3. Брилиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. М.: Проспект, 2008. 560 с.
4. Лобанова Л.В. Значение предупреждения лица об уголовной ответственности для квалификации посягательств, совершенных в сфере правосудия по уголовным делам // Уголовное право. 2012. № 3. С. 47–52. EDN: [ОУКМРР](#).
5. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2016. 1276 с.
6. Власова Н.А. Правовой статус свидетеля в уголовном судопроизводстве нуждается в совершенствовании // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 20. № 4. С. 182–193. DOI: [10.24412/2587-9820-2021-4-182-193](https://doi.org/10.24412/2587-9820-2021-4-182-193).
7. Байчорова Ф.Х., Хатков А.А. Оценка показаний свидетеля в уголовном процессе // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 72-6. С. 10–12. DOI: [10.18411/j-04-2021-217](https://doi.org/10.18411/j-04-2021-217).
8. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.
9. Тарасов А.А. Привлечение специалиста в современной адвокатской практике по уголовным делам // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 1. С. 46–53. DOI: [10.18287/2542-047X-2023-9-1-46-53](https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-46-53).
10. Тилле А.А. Презумпция знания законов // Правоведение. 1969. № 3. С. 34–39.

11. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. М.: Наука, 1994. 380 с.
12. Стrogovich M.C. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.: Издательство Академии наук СССР, 1947. 276 с.
13. Тихонова С.С. Юридическая техника в уголовном праве. Н. Новгород: Деком, 2008. 244 с.
14. Панченко П.Н. Презумпция знания закона как условие виды и ответственности в уголовном праве и ее трактовка применительно к преступлениям, совершенным в сфере экономической деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2. С. 227–233. EDN: [NORPMD](#).
15. Россинский С.Б., Чучаев А.И. Устав уголовного судопроизводства РСФСР 1918 года: уроки истории // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 6. С. 160–175. DOI: [10.35427/2073-4522-2023-18-6-rossinskij-chuchaev](https://doi.org/10.35427/2073-4522-2023-18-6-rossinskij-chuchaev).
16. УПК РСФСР 1922 года – первый советский процессуальный Кодекс (к 100-летию со дня принятия) / под ред. А.И. Чучаева. М.: Институт государства и права РАН, 2023. 216 с.
17. Анашкин Г.З. Актуальные проблемы правосудия в СССР. М.: Знание, 1969. 48 с.
18. Хабибуллин М.Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву. Казань: Издательство Казанского университета, 1975. 161 с.
19. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юрист, 1997. 480 с.
20. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2005. 656 с.
21. Волынко А.А. Полномочия руководителя государственно-судебно-экспертного учреждения при назначении и производстве экспертизы по уголовным делам // Вестник экономики и права. 2025. № 102. С. 100–105. EDN: [GICDGX](#).

REFERENCES

1. Piontkovskiy A.A., Romashkin P.S., Chkhikvadze V.M., eds. *Kurs sovetskogo ugovolnogo prava* [The course of Soviet criminal law]. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1971. Vol. 6, 559 p.
2. Gorelik A.S., Lobanova L.V. *Prestupleniya protiv pravosudiya* [Crimes against Justice]. Saint-Peterburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2005. 491 p.
3. Brilliantov A.V., Kosevich N.R. *Nastolnaya kniga sudi: prestupleniya protiv pravosudiya* [Handbook of the judge: crimes against justice]. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 560 p.
4. Lobanova L.V. The value of warning a person about the criminal liability for qualification of the crimes against justice in criminal cases. *Ugovolnnoe pravo*, 2012, no. 3, pp. 47–52. EDN: [OYKMRR](#).
5. Golovko L.V., ed. *Kurs ugovolnogo protsessa* [The Course of the Criminal process]. Moscow, Statut Publ., 2016. 1276 p.
6. Vlasova N.A. The legal status of a witness in legal proceedings of a criminal case needs to be improved. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 182–193. DOI: [10.24412/2587-9820-2021-4-182-193](https://doi.org/10.24412/2587-9820-2021-4-182-193).
7. Baychorova F.Kh., Khatkov A.A. Evaluation of witness testimony in criminal proceedings. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2021, no. 72-6. pp. 10–12. DOI: [10.18411/lj-04-2021-217](https://doi.org/10.18411/lj-04-2021-217).
8. Sheyfer S.A. *Sledstvennye deystviya. Sistema i protsessualnaya forma* [Investigating actions. System and procedural form]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2001. 208 p.
9. Tarasov A.A. Involvement of a specialist in modern criminal law practice. *Juridical Journal of Samara University*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 46–53. DOI: [10.18287/2542-047X-2023-9-1-46-53](https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-46-53).
10. Tille A.A. Presumption of knowledge of law. *Pravovedenie*, 1969, no. 3, pp. 34–39.
11. Tagantsev N.S. *Russkoe ugovolnnoe pravo* [Russian Criminal Law]. Moscow, Nauka Publ., 1994. Vol. 1, 380 p.
12. Strogovich M.S. *Uchenie o materialnoy istine v ugovolnom protsesse* [The Theory of Substantive Truth in the Legal Proceedings]. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1947. 276 p.
13. Tikhonova S.S. *Yuridicheskaya tekhnika v ugovolnom prave* [Legal technique in criminal law]. Nozhniy Novgorod, Dekom Publ., 2008. 244 p.
14. Panchenko P.N. Presumption of the knowledge of law as a condition of guilt and responsibility in the criminal law and its treatment concerning the crimes committed in the economic. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2010, no. 2, pp. 227–233. EDN: [NORPMD](#).
15. Rossinskij S.B., Chuchaev A.I. Charter of criminal proceedings of the RSFSR of 1918: lessons of history. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2023, vol. 18, no. 6, pp. 160–175. DOI: [10.35427/2073-4522-2023-18-6-rossinskij-chuchaev](https://doi.org/10.35427/2073-4522-2023-18-6-rossinskij-chuchaev).
16. Chuchaeva A.I., ed. *UPK RSFSR 1922 goda – pervyy sovetskiy protsessualnyy Kodeks (k 100-letiyu so dnya prinyatiya)* [The Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1922 – the first Soviet Procedural Code (on the 100th anniversary of its adoption)]. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN Publ., 2023. 216 p.
17. Anashkin G.Z. *Aktualnye problemy pravosudiya v SSSR* [Current issues of justice in the USSR]. Moscow, Znanie Publ., 1969. 48 p.
18. Khabibullin M.X. *Otvetstvennost za zavedomo lozhnyy donos i zavedomo lozhnoe pokazanie po sovetskому ugovolnomu pravu* [Responsibility for knowingly false denunciation and knowingly false testimony under Soviet criminal law]. Kazan, Izdatelstvo Kazanskogo universiteta Publ., 1975. 161 p.
19. Belkin R.S. *Kurs kriminalistiki. Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii* [Forensic science course. Forensic tools, techniques and recommendations]. Moscow, Yurist Publ., 1997. Vol. 3, 480 p.
20. Rossinskaya E.R. *Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskem, arbitrazhnom, administrativnom i ugovolnom protsesse* [Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings]. Moscow, Norma Publ., 2005. 656 p.
21. Volynko A.A. Powers of the head of the state forensic institution when appointing and conducting examinations in criminal cases. *Bulletin of economics and law*, 2025, no. 102, pp. 100–105. EDN: [GICDGX](#).

UDC 343.1

doi: 10.18323/3034-2945-2025-3-62-3

Notice of criminal liability: an effective measure of criminal procedure prevention or a relic of the past?

Sergey B. Rossinskiy, Doctor of Sciences (Law), Professor,
chief researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Received 08.07.2025

Revised 24.07.2025

Accepted 01.08.2025

Abstract: Being provided for by the criminal procedure legislation of the Russian Federation, notice of criminal liability of witnesses and victims for refusing to testify and intentionally making a false statement, experts – for giving willful false evidence, and other participants in criminal proceedings – for some other crimes against justice are subject to critical analysis. Such notice is referred to as self-evident procedural-preventive measure recognized by practitioners, subject to be applied in order to prevent the refusal or evasion of addressees from the proper execution of prohibitions and obligations applicable to them. At the same time, such measures are assessed as somewhat strange, poorly consistent with the well-known principle of the presumption of knowledge of the criminal law, including in the conditions of its fundamental refutation. In this regard, the reasons for introducing such requirements into the subject of criminal procedure regulation are revealed – they are seen in the circumstances of the emergence of the early Soviet system of criminal justice, caused by the denial of any religious rites in the activities of state bodies, including witness's and expert's oaths used in the legal proceedings of the Russian Empire. At the same time, the author discusses the reasons for the preservation and even expansion of such requirements in the post-Soviet period – they are presumably associated with the neglect of these issues by the authors and developers of the current criminal procedure law. In conclusion, the paper provides arguments that exclude the possibility of a complete restoration of pre-revolutionary guarantees of proper execution of procedural duties by participants in criminal proceedings. Moreover, the practice of using identical oaths is assessed as having a very high preventive potential, at least much greater in comparison with the currently used notice of criminal liability. In this regard, the legislator is invited to think about returning such legal guarantees to the sphere of criminal proceedings, but in a slightly different, purely secular form, i. e. excluding religious focus. At the same time, the author says that it is reasonable to deformatilize notice of criminal liability and transfer it to the category of discretionary powers of inquiry officers, investigators, and judges for use at their own discretion for tactical purposes.

Keywords: notice of criminal liability; crimes against justice; intentionally making a false statement; willful false expert evidence; refusal to testify; witness signature; expert signature; witness's oath.

For citation: Rossinskiy S.B. Notice of criminal liability: an effective measure of criminal procedure prevention or a relic of the past? *Jus strictum*, 2025, no. 3, pp. 27–34. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-3-62-3.